

Анатолий Евгеньевич Савченко¹ (savchenko@ihaefe.ru)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И БРАЗИЛИИ КАК ПОЛЕ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

На какие вопросы предстоит ответить исследователю современной истории Дальнего Востока, чтобы полученные ответы имели значение не только для региональной, но также национальной и мировой исторической науки? В представленной статье мы стараемся наметить ряд направлений для будущих исследований. Наш выбор проблемы основывается на совпадении её теоретической значимости, актуальности для интерпретации региональной истории и практической пользы для управления развитием Дальнего Востока. В качестве объекта для сравнения мы выбрали Бразилию — государство, находясь в одном типологическом ряду с Россией, прошло через сходные стадии трансформации: либерализация экономики, децентрализация управления, демократизация политики. Как и Россия, Бразилия имеет большую территорию с сильной социально-экономической дифференциацией — между Югом и Севером, прибрежными и внутренними районами страны. На протяжении большей части XX в. обе страны использовали модель авторитарного государства догоняющего развития, которая к концу 1970-х гг. переживала кризис и во второй половине 1980-х гг. была демонтирована. В контексте создания сравнительной истории Дальнего Востока России и Северо-Востока Бразилии нам важно обратить внимание на два аспекта. Во-первых, частью этих политических и макроэкономических изменений была трансформация региональной политики: и в России, и в Бразилии бюрократический принцип выбора приоритетных территорий уступил место игре рыночных сил и конкуренции регионов между собой за привлечение национального и иностранного капитала. Во-вторых, Бразилия в сравнении с Россией имеет не только похожие проблемы, но и больший опыт (с конца 1950-х гг.) в создании специальных структур для управления стратегически важными регионами в условиях капиталистической экономики. Сопоставляя региональную политику двух стран, мы рассматриваем новейшую историю Дальнего Востока как часть глобального процесса трансформации государств догоняющего развития и вписываем её в широкий контекст идеологических противостояний и главных политических конфликтов конца XX в.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, Северо-Восток Бразилии, региональная политика, Центр, регион.

Anatoliy E. Savchenko¹ (savchenko@ihaefe.ru)

REGIONAL POLICY IN RUSSIA AND BRAZIL AS THE MATTER OF COMPARATIVE RESEARCH

What questions should the researcher of the modern history of the Far East has to answer, so that the received answers will have meaning not only for

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

the regional, but also for the national and world historical science? In the text below we try to outline a number of such areas for a future research. Our choice is based on the coincidence of the theoretical significance of the problem, its relevance for the interpretation of the regional history and practical significance for managing the development of the Far East. As an object for a comparison we chose Brazil — a state being in the same typological row with Russia, a state that went through similar stages of transformation: economic liberalization, decentralization of government, democratization of politics. Like Russia, Brazil has gigantic space, with a strong socio-economic differentiation between the South and the North, the coastal and inland areas of the country. For the most of the twentieth century both countries used the model of an authoritarian state of catching-up development, which by the end of the 1970s in crisis in the second half of the 1980s, was dismantled. In the context of creation of a comparative history of the Far East of the USSR/Russia and the Northeast of Brazil, it is important for us to draw attention to two aspects. First, part of these political and macroeconomic changes was the transformation of regional policy: in both Russia and Brazil, the bureaucratic principle of choosing priority regions gave a way to a game of market forces and competition between regions for attracting national and foreign capital. Secondly, Brazil, in comparison with Russia, has not only similar problems, but also several decades more experience (since the late 1950s) in creating special structures for managing regional development in a capitalist economy.

Keywords: Russian Far East, Brazilian Nord-East, regional policy, centre, region.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современная история Дальнего Востока — неотъемлемая часть национальной и мировой истории. Основываясь на этом утверждении и планируя новые направления исследований, мы должны стремиться увидеть вклад региональной истории в понимание общей. Иными словами, нам предстоит ответить на вопрос: что в происходивших на Дальнем Востоке или связанных с ним событиях позволяет нам лучше понять новейшую историю своей страны в контексте общемировых проблем последних трёх десятилетий? Из такой постановки первого вопроса вытекает и следующий: в решение каких именно теоретических проблем может внести вклад изучение новейшей истории этого региона?

ДВИЖЕНИЕ К СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Современная история Дальнего Востока может быть условно разделена на несколько самостоятельных, но в то же время взаимодополняющих направлений, каждое из которых позволяет рассматривать историю региона как часть общей проблемы трансформации полупериферийных

государств догоняющего развития. По нашему мнению, среди данных направлений можно выделить и наиболее перспективные для изучения в широком контексте кризиса государств догоняющего развития: 1) управление периферийными территориями; 2) контроль политического Центра над пространством; 3) стратегии региональных элит по трансформации политики Центра в своих интересах.

Во второй половине XX в. под воздействием мировой экономической конъюнктуры, доминирующей идеологии, геополитических и внутривнутриполитических процессов и собственного институционального наследия государства имели разный потенциал для управления своим пространством, использовали разные инструменты для территориального развития и в разной степени были подвержены влиянию региональных элит. Эти различия позволяют сформировать шкалу для сравнения по принципу «максимальное сходство/максимальное различие». Эмпирический материал новейшей истории Дальнего Востока даёт возможность вести исследования по ряду направлений из обрисованного выше проблемного поля, в частности:

- история принятия и реализации государственных решений, относящихся непосредственно к региону;
- история деятельности специальных инструментов развития (Министерство по развитию Дальнего Востока, Корпорация по развитию Дальнего Востока и связанные с ними агентства, специальные экономические режимы и знаковые проекты: особые экономические зоны, территории опережающего развития, свободный порт Владивосток);
- история создания и реализации программ развития Дальнего Востока (с 1987 г. с пятилетним перерывом в 1991—1996 гг. на общегосударственном уровне действует та или иная дальневосточная программа).

Все эти проблемы уже разрабатываются дальневосточными исследователями, есть и опыт концептуализации [см., например: 2; 4; 6]. При этом обращает на себя внимание отсутствие теоретической рамки, которая бы позволила, с одной стороны, систематизировать эмпирический материал по нескольким основным линиям исследований, с другой же — «включить» случай Дальнего Востока в общую проблему государственного управления развитием и выйти таким путём к широким межстрановым сравнениям.

В данной работе мы стараемся обосновать сравнение новейшей истории управления периферийными регионами в России и Бразилии. Параллель между этими двумя государствами в российской науке проводят нечасто, что представляется нам досадным пробелом. В России существует традиция сопоставлять развитие нашей страны с наиболее успешными государствами, прежде всего западными, или же с Китаем. Это, на наш взгляд, приводит к существенным искажениям в интерпретации новейшей истории, способствуя описанию российских реалий в терминах «неэффективности» государства. Главным требованием к объектам сравнения является их сопоставимость. В противном случае мы рискуем навсегда остаться в ловушке, о которой писал М. Росс: «Изучая эффективность

государственного руководства, учёные нередко допускают... ошибку: мы делаем заключение, что в государствах, демонстрирующих низкие результаты, функционируют „слабые институты“, не учитывая при этом, что каждая из стран решает разные по сложности задачи» [3, с. 363]. Поэтому сопоставимость в данном случае обеспечивается не только сходным уровнем развития, но и общностью задач, которые стоят перед сравниваемыми странами.

Приняв такой подход, мы обнаружим подходящие объекты для сравнения в регионах, на которые обычно мало обращают внимания в новейшей российской историографии. Оставляя в стороне идеологическое влияние и геополитическую мощь СССР (хотя следует сказать, что мы можем «забыть» о них только на короткое время и лишь ради ясности аргументации), мы увидим, что во второй половине XX в. историческая траектория Советского Союза и Бразилии имеет много примечательных параллелей. Например, совпадения в переломных датах: март 1964 г. — установление военной диктатуры в Бразилии, октябрь того же года в СССР — отстранение Н.С. Хрущёва от власти и сворачивание демократизации; 1985 г. — переход власти от военных к гражданскому прези-

денту в Бразилии и начало перестройки в СССР. Сравнимые страны близки по уровню экономического развития, более того, Россия в 2000-х гг., утратив идеологическое влияние и значительную часть геополитической мощи, оказалась заметно ближе к Бразилии, чем Советский Союз (объём ВВП на душу населения двух стран представлен в табл. 1).

Таблица 1
Объём ВВП СССР/РФ и Бразилии, долл. США на душу населения

Год	СССР/РФ	Бразилия
1960	3945	2335
1989	7098	5227
2001	5445	5570

Сост. по: [14, р. 487, 522].

Однако в контексте наших задач более важны параллели в проблемах двух стран. В обоих случаях мы видим высокий уровень регионального неравенства, в Бразилии это даже признано «одной из центральных проблем», с которыми сталкивается страна [19, р. 4].

В Бразилии тоже есть свой «Дальний Восток», который долгое время был стратегическим приоритетом в региональной политике Центра, — это девять штатов, составляющих Северо-Восточный регион. С 1959 г. их развитие координирует Главное управление по развитию Северо-Востока (Superintendencia para Desenvolvimento do Nordeste), с 1974 г. Инвестиционный фонд для развития Северо-Востока (Fundo de Investimentos para Desenvolvimento do Nordeste) концентрирует средства для капиталовложений на этой территории. По своим функциям данные структуры во многом сходны с теми, что были созданы не так давно для управления развитием Дальнего Востока.

Региональная политика государства на Дальнем Востоке является прекрасным примером проблемы построения в России единой и согласованно действующей бюрократии. С другой стороны, сама конфигурация дальне-

восточных проблем (следствие совместного действия таких факторов, как геополитическая значимость и уязвимость территории, её ресурсное богатство при слабой освоенности) побуждает государство к управленческой импровизации [5, с. 198]. Сегодня Россия пытается создать на Дальнем Востоке «капиталистическое сплочённое государство», в котором цели бюрократии и предпринимателей совпадают и заключаются в индустриальном росте, а также выходе на внешние рынки [13]. И в связи с этим случай Бразилии особенно привлекателен тем, что здесь подобная политика (выстраиваемая в сходном политическом и институциональном контексте) имеет более долгую историю. На примере данной страны мы можем видеть, как функционировали структуры регионального развития в меняющихся экономических и политических условиях, в атмосфере реорганизаций и споров об их эффективности, проходивших на фоне коррупционных скандалов.

Сравнительное исследование опыта управления развитием Северо-Востока Бразилии и Дальнего Востока России позволит отличать специфически российские проблемы от общих, свойственных бюрократическому управлению развитием в принципе. Истории успеха должны быть исследованы на предмет применимости в российских условиях, провалы — тщательно изучены с тем, чтобы не допустить аналогичного в будущем².

КРИЗИС ГОСУДАРСТВА ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Региональная проекция неолиберализма. Либерализация экономической политики, затронувшая в конце 1980-х гг. большинство полупериферийных стран мира, оказала решающее влияние на стратегии регионального развития и на сами способы управления пространством. На примере СССР/России и Бразилии мы видим, что в обоих государствах либерализация разрушила привычные для региональной элиты каналы и правила доступа к централизованным ресурсам, привела к углублению территориального неравенства в результате «отсутствия региональной политики» [17, р. 1643].

В Бразилии в середине 1980-х, а в России — в начале 1990-х гг. на смену государственному управлению развитием приоритетных регионов, выбранных по политическим или же стратегическим соображениям, пришла политика поддержки отдельных секторов экономики, а территории теперь должны были конкурировать на внутреннем и внешнем финансовом рынке за частные инвестиции [о случае Бразилии см. подробнее: 20, р. 13]. Привлечение в регион новых производств далеко не всегда

² В личной беседе чиновник федерального уровня, в компетенцию которого входит управление развитием Дальнего Востока, высказал мнение, что бразильский опыт даже не рассматривался при создании специальных инструментов развития данного региона.

означало экономическую выгоду для страны в целом. Примером здесь может служить автомобильная промышленность. Её распространение за пределы первоначальной зоны концентрации в районе Сан-Паулу стимулировалось искажённой конкуренцией между территориями, результатом чего стала необоснованная растрата ресурсов. Местные власти стремились предоставить максимальные льготы (обустройство инфраструктуры за счёт государства, освобождение от налогов) инвесторам, не связывая их при этом встречными обязательствами по трансферу технологий [8, с. 957]. Подобный опыт десятилетием позже повторился на Дальнем Востоке, где созданное по политическим мотивам автосборочное производство компании «Соллерс» требовало постоянных субсидий и преференциальных экономических условий.

С началом экономической и политической либерализации бюрократические структуры, организованные для формирования и реализации региональной политики, в определённом смысле лишились своих целей и ориентиров [17, р. 1643]. Внутрорегиональная конкуренция за финансовые ресурсы, подрывающая общую стабильность национальной экономики, была свойственна в середине 1990-х гг. обоим странам [10, с. 45]. Но это только часть общей картины.

Другая её часть состоит в том, что стратегия и система регионального развития разрушались в разных полушариях почти одновременно и в сходном контексте параллельно разворачивающейся политической демократизации, в которой бюрократия субнационального уровня получила возможности для борьбы за свои позиции и альтернативную идеологию развития и воспользовалась ими.

Сравнение дискурсов. Несмотря на то, что региональная политика строится на научном фундаменте — прежде всего на экономических расчётах, — в её основе лежат лоббистские усилия заинтересованных представителей центральной и региональной элит.

Обращаясь к истокам формирования региональных приоритетов и создания специальных инструментов территориального развития, мы увидим, что они связаны с агентами, одновременно включёнными и в политическое, и в научное поле деятельности. Для Дальнего Востока середины 1990-х и начала первого десятилетия 2000-х гг. такой фигурой был губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев, который являлся главой Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия «Дальний Восток и Забайкалье» и с 2003 г. был членом-корреспондентом Российской академии наук (с 2008 г. — академиком). В случае Северо-Востока Бразилии периода формирования специальных инструментов региональной политики (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) в такой роли выступал С. Фуртадо — всемирно известный экономист, разработчик и первый директор Главного управления по развитию Северо-Востока.

Региональная политика, как, впрочем, и любая другая, есть дискурс в том смысле, что её проводники, сторонники и противники оправдывают

и критикуют, выстраивают аргументацию, добиваются принятия, реализации и поддержки тех или иных мер на конкретной территории³. Региональные лидеры использовали приём, который известен как «усиление позиции за счёт эксплуатирования убедительных и мощных символов»⁴. Почему государственная программа развития отдельного региона является значимой для всей страны? Сколько на неё потратить и где взять эти средства? Нужны ли здесь особые экономические зоны, льготные тарифы или бесплатная раздача земельных участков? Почему лишь какая-то отдельная территория, а не вся страна, достойна режима особого благоприятствования? Как объяснить это гражданам других частей страны и, что даже более сложно, как отразить аргументы фискально-экономического блока правительства о дроблении экономического пространства и нарушении равных условий? Все эти вопросы есть предмет дискурса, в который «вбрасываются» географические образы, стратегические государственные и конъюнктурные политические соображения, экономические интересы и карьерные расчёты.

В итоге территория в глазах политиков, экспертов и населения приобретает определённые свойства, часть из которых отражает реальность, но другая часть оказывается интеллектуальным конструктом, часто изрядно мифологизированным. На Дальнем Востоке региональная элита использовала дискурс геополитики, стратегических приоритетов и государственных интересов, на Северо-Востоке Бразилии главным аргументом привлечения внимания правительства были неблагоприятные климатические условия, роль которых намеренно преувеличивалась [см., например: 9].

Инфраструктурная власть государства. Региональная политика только на первый взгляд может показаться локальным явлением. Напротив, будучи переплетённой с геополитикой, а также с политикой публичной и социальной, она отражает главные проблемы функционирования государства. Она побуждает нас отойти от абстрактного понимания власти и посмотреть на неё как на совокупность задач преодоления расстояний, поиска баланса в территориальном перераспределении ресурсов, устранения асимметрии информационных потоков и проблемы построения бюрократического аппарата, способного эффективно контролировать пространство. Так мы оказываемся перед проблемой инфраструктурной власти государства, сформулированной М. Манном (данная концепция наиболее полно представлена в первом томе его книги, см.: [16]).

Бразилия изначально страдает тем же «недугом», что и Россия: несмотря на построение авторитарного бюрократического развивающего государства, здесь наблюдается хронический дефицит дееспособности власти [21, р. 279]. На примере региональной политики двух стран мы можем видеть столкновение двух тенденций: стремления к интеграции

³ Эта идея позаимствована из анализа геополитики как дискурса. См. подробнее: [22, р. 191]

⁴ В оригинале: “by riding on the backs of pervasive and powerful symbols” [18, р. 22].

и фрагментации государства. Проекты регионального развития в большей мере отражали либо намерение Центра переформатировать социально-экономический ландшафт (и, соответственно, тот расклад социальных сил, который его формирует), либо готовность пойти на уступки региональным элитам. И в первом, и во втором случаях реакция локальных элит обычно выражалась в «размывании» стратегии Центра и продвижении региональных интересов, замаскированных терминологией и доминирующими идеологическими установками.

Политическая власть, согласно М. Манну, институализирует определённое пространство. Мы, в свою очередь, предполагаем, что уровень этой институализации может быть понят как эффективность мобилизации и перераспределения государством ресурсов, локализованных на определённой территории [15, р. 502], возможность консолидировать бюрократию в Центре и контролировать её на периферии, получать выгоду от рыночных обменов. Всё это мы будем называть *инфраструктурной властью государства*. Региональная политика — это во многом концентрация ресурсов на определённых территориальных направлениях. Проблема, однако, в том, что эти ресурсы сложно сконцентрировать. И ещё сложнее их затем распределить: ведь здесь предстоит выдержать конкуренцию между различными государственными приоритетами и бюрократическими интересами [11, р. 377].

Экстремальный пример слабой инфраструктурной власти мы видим в Африке, где государство часто представлено чем-то вроде точек, разбросанных по главным городам, и не имеет способности проводить свои решения за их пределами [12, р. 93]. Причины этой слабости материальны, осязаемы: удалённость населённых пунктов, трудная доступность, отсутствие дорог и других средств коммуникации, дефицит чиновников и, что ещё более важно, финансовых средств для того, чтобы обеспечить лояльность государству уже существующего бюрократического аппарата на местах. Спроецируем теперь всё вышесказанное на российский Дальний Восток и определим: что до сих пор составляет основу его экономики, где локализованы источники государственных доходов и личных состояний? Это труднодоступные для эффективного контроля места: тайга (лес) и открытое море (рыба и морепродукты).

Российское государство на Дальнем Востоке не только не было способно собирать налоги, часто оно даже не могло проконтролировать, что и для какого рынка производится на том или ином предприятии. В первой половине 1990-х гг. в Приморье работало много корейских компаний по пошиву одежды. Полупустые контейнеры отправлялась в Южную Корею, где происходила «дозагрузка» уже корейской продукцией, которая шла на экспорт в США под видом российской. Такие совместные предприятия существовали, чтобы «обходить» американские квоты на импорт из Кореи, и они начали повсеместно закрываться, когда российские и американские таможенные структуры научились выявлять и перекрывать теневые каналы поставок.

Сегодня за высокими заборами под вывеской «инновационных» и «высокотехнологичных» компаний работают китайские фабрики. При этом едва ли возможно получить достоверную информацию о том, что и в каких количествах они производят, потому что на территорию посторонних или вовсе не пустят, или, в лучшем случае, проведут не дальше административного офиса⁵.

На современных территориях опережающего развития и в свободном порту Владивосток регистрируются в основном проекты, которые были запланированы до принятия соответствующих законов. Первоначально ТОРы были задуманы как площадки для развития новых экспортных производств, но постепенно идея расширилась и охватила проекты, которые государство уже долгое время пытается реализовать на Дальнем Востоке. В конечном итоге налоговые льготы получают все инвесторы, которые возьмут на себя обязательство вложить в этот регион определённую сумму денег.

В данном случае история дальневосточной политики — это кейс, через который можно исследовать общую проблему инфраструктурной власти: её способность достигать целей на определённой территории. Рассматривая её под таким углом зрения, мы получим возможность увидеть, как государство в течение 1990 — 2000-х гг. пыталось создать если не эффективную, то как минимум контролируемую бюрократию, используя не только административные и политические меры (выстраивая «вертикаль власти»), но и новые технологии. Мобильная связь, интернет, электронный документооборот и электронные платежи — все эти вещи, ставшие привычными в системе государственного управления за последнее десятилетие, являются мерами обеспечения «связности» пространства и контроля над административной вертикалью.

В завершение надо отметить, что изучение современной инфраструктурной власти предполагает свой методологический инструментарий. Историкам, решившим посвятить свои усилия исследованию данной проблемы, предстоит не только упорядочить и концептуально интерпретировать широчайший круг доступных письменных источников на бумажных и электронных носителях. Главное — это наблюдение за реальностью, поездки в районы лесозаготовок, места локализации крупных государственных проектов и новых инструментов развития, это беседы с людьми и внимание к деталям и общему контексту. Можно сказать, что это запоздалое следование утверждению Л. Февра о том, что «ничего не отвергая, история пользуется всем тем, что только может изобрести или предложить пытливый человеческий разум» [7, с. 20].

⁵ Данные получены в результате полевых исследований А.Е. Савченко и С.А. Иванова, в ходе которых были проведены интервью с представителями администраций районов Приморья, где существовали такие предприятия. О том, что данная ситуация не единична, свидетельствует хотя бы тот факт, что в 2015 г. даже полномочный представитель президента не смог попасть на территорию одного из рыбных портов Приморья — его не пустили под предлогом обеспечения безопасности погрузочных работ. См. подробнее: [1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преимущество компаративного анализа заключается не только в том, что он позволяет сопоставлять начальные условия и следствия на примерах разных стран и избегать таким путём построения, казалось бы, очевидных, но на самом деле сомнительных причинно-следственных связей, а также уберечься от досадных управленческих провалов⁶. Главное — мы получаем возможность вписать региональную историю в контекст значимых глобальных процессов конца XX в.: кризис государственных стратегий догоняющего развития, выстраивание инфраструктурной власти государства, трансформация полупериферийных государств под воздействием идеологического мейнстрима и политики мировых финансовых институтов. При этом внимание к региональному уровню управления даёт нам возможность посмотреть на проблему не только «панорамно», но и «объёмно»: за верхним слоем процесса, выраженного в ключевых решениях политических лидеров, мы видим мозаичную картину борьбы «внутри» государства. В этой борьбе различные сегменты бюрократии (среди которых одним из самых мощных игроков является региональный уровень управления) отстаивали не только свои интересы, но и альтернативную модель государства.

Мы видим сходную реакцию полупериферийных государств на изменения в мировой экономике и идеологическом мейнстриме, в результате которой трансформировалась и вся система управления региональным развитием. В России и Бразилии эти процессы происходили параллельно, причём последняя в основном опережала первую в применении различных инструментов регионального развития. На данный момент мы уже имеем основания утверждать, что бразильский опыт явно недооценён в части его значимости для сопоставления с управленческими экспериментами на Дальнем Востоке.

Но компаративный анализ управления Дальним Востоком должен охватывать сопоставление не только по внешнему, но и по внутреннему контуру государственных границ. В разное время дальневосточная политика в той или иной степени отражала как процессы, происходящие в мировой экономике, так и смену доминирующей идеологии и вариации в политическом раскладе сил в Москве. При этом она содержала в себе больше, чем вышеперечисленное: она была ещё и итогом тактической борьбы Центра с регионами, отражая его реакцию на события на

⁶ Например, почти синхронное изменение принципов региональной политики в позднем СССР (в котором происходил распад плановой социалистической экономики) и в Бразилии (где экономика оставалась капиталистической), выраженное в отказе не только от государственного патернализма по отношению к тем или иным регионам, но и в отстранении государства от управления региональным развитием, имеет, скорее, внешние причины, такие как неблагоприятная конъюнктура мировых цен, следование политике мировых финансовых институтов.

Кавказе, Урале, в Поволжье, Сибири. В данном контексте дальневосточную политику федеральной власти правильно будет представлять (заимствуя и немного перефразируя Дж. Мигдала) как взаимное многостороннее трансформирующее взаимодействие всех участников борьбы за выработку региональной стратегии [18, p. 9].

На примере широких сравнений мы получаем возможность исследовать глобальную картину изменения стратегий управления пространством в условиях социально-экономических трансформаций, сопоставимых по масштабу и исторической траектории государств. Более того, на этом пути открывается перспектива создания реалистичной стратегии для развития Дальнего Востока на основе сравнительного и критического анализа успешного и негативного опыта деятельности бюрократических структур разных стран мира, созданных для управления регионами — от межрегиональных координационных органов до свободных экономических зон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интервью заместителя председателя Правительства РФ — полномочного представителя президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Юрия Трутнева газете «Ведомости». URL: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=44&oid=5185> (дата обращения: 30.03.2016).
2. Минакир А.П. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
3. Росс М. Нефтяное проклятие: Как богатые запасы углеводородного сырья задают направление развития государств / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. Т. Дробышевской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 464 с.
4. Рыжова Н.П., Васильева О.Г. Российский Дальний Восток «как череда экспериментов»: поиск подходов к объяснению причин успехов и неудач освоения периферийных регионов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 4. С. 7—16.
5. Рюшемайер Д., Эванс П. Государство и экономические преобразования: к анализу условий эффективного государственного вмешательства // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и фр.; под науч. ред. В.В. Радаева и Г.Б. Юдина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 381 с.
6. Савченко А.Е. Дальний Восток конца XX — начала XXI в. как «зеркало» системных проблем российского государства // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 8—30.
7. Февр Л. Суд совести истории и историка // Бои за историю / пер. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича, Ю.Н. Стефанова; отв. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1991. 629 с.
8. Barberia L., Biderman C. Local Economic Development: Theory, Evidence, and Implications for Policy in Brazil // Geoforum. 2010. No. 41. P. 951—962.
9. Castro Elias de I. Imaginario Politico e Realidade Economica, o “Marketing” a Seca Nordestina // Nova Economica. Belo Horizonte. 1991. Vol. 2. No. 2. P. 53—75.
10. Dexter S.B. Subnational Developmentalism: Brazil in Comparative perspective. Thesis. Urbana (Illinois), 2003. 158 p.
11. Ericsson M., Westin L. Regional Policy as Interaction Between National Institutions and Regional Science. The Nordic Growth Centre Policies, 1965—1980 // Scandinavian Journal of History. 2013. Vol. 38. P. 367—386.

12. Herbst J. *States and Power in Africa. Comparative Lessons in Authority and Control.* New Jersey: Princeton University Press, 2000. 280 p.
13. Kohli A. *State-Directed Development: Political Power and Industrialization in the Global Periphery.* New York: Cambridge University Press, 2004. 466 p.
14. Maddison A. "Latin America" in *The World Economy. Vol. 2. Historical Statistics.* OECD Publishing, 2006. 645 p.
15. Mann M. *The Sources of My Sources // Contemporary Sociology.* 2013. Vol. 42. No. 4. P. 499—502.
16. Mann M. *The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from the Beginning to A.D. 1760.* Cambridge University Press, 1986. 549 p.
17. Mendes da Rocha Neto J., Borges F. *As Assimetrias entre as Políticas Setoriais e a Política de Planejamento Regional no Brasil // Revista De Administracao Publica.* 2011. No. 45(6). P. 1639—1654.
18. Migdal J.S. *The State in Society: an Approach to Struggles for Domination // State Power and Social Forces. Domination and Transformation in the Third World / ed. by J.S. Migdal, A. Kohli, V. Shue.* Cambridge University Press, 1994. 333 p.
19. *Plano Estrategico de Desenvolvimento de Sustentavel do Nordeste. Desafios e Possibilidades para o Nordeste do Século XXI. Versao para Discussao.* RECIFE, Abril de 2006. 159 p.
20. Portugal R. *Historia da Politica Regional No Brasil // Banco do Nordeste.* P. 13. URL: <https://www.bnb.gov.br/documents/160445/3572566/HIST%C3%93RIA+DA+POL%C3%8DTICA+REGIONAL+DO+BRASIL.pdf/436408f7-a8f8-59b8-ef0f-9eb93aea01d> (дата обращения: 04.03.2019).
21. *The Cambridge History of Latin America. Vol. IX. Brazil since 1930.* Cambridge University Press, 2008. 616 p.
22. Tuathail G., Agnew J. *Geopolitics and Discourse. Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy // Political Geography.* 1992. Vol. 11. No. 2. P. 190—204.